

© 1994 г. Д.И. ЭДЕЛЬМАН

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОЛОГИИ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Изучение лексики различных языковых семей в сравнительно-историческом аспекте имеет богатую традицию в плане как практических штудий в конкретных отраслях языкознания, так и теоретических обобщений, сделанных на разных этапах развития лингвистической науки. Тем не менее едва ли не каждый новый опыт сравнительно-исторического анализа лексики той или иной языковой семьи (или даже отдельной генетической группы, подгруппы и т.д.) привносит нечто новое не только в практику таких исследований, но и в теоретическое и методическое осмысление проблем, возникающих в ходе конкретного исследования. В связи с этим представляется уместным высказать некоторые соображения, возникающие при сравнительно-историческом изучении лексики языков иранской семьи на нынешнем этапе, тем более, что некоторые факты и проблемы, относящиеся к иранскому материалу, могут быть небезынтересны и с точки зрения индоевропеистической проблематики в целом.

Сама идея диахронического изучения лексики, и особенно идея создания этимологического словаря иранских (и даже индоиранских) языков с привязкой реконструируемых общеиранских прототипов к их индоевропейским истокам, возникла уже давно. С открытием же все новых рукописей вымерших языков, как и с обогащением фонда материала живых языков (включая рукописи и живые языки, обнаруженные уже в XX в.), по мере изучения истории этих языков в целом и истории их лексики в частности, предлагаются все новые этимологии конкретных слов, что практически "встраивает" новые элементы в некую единую целостную этимологическую систему, включающую как минимум четыре хронологических уровня: общеиранский, индоиранский, общеарийский и в конечном счете индоевропейский (не говоря уже об уровнях "праязыков" для групп и подгрупп внутри иранской языковой семьи). Эта цель — создание единой этимологической системы — породила и продолжает порождать не только этимологические словари и монографические исследования лексики отдельных иранских языков и их групп (о чем будет сказано ниже), но и многие публикации, в которых рассматриваются этимологии отдельных слов в конкретных языках, хотя лишь в небольшой части работ данная цель формулируется эксплицитно — в виде заглавия, подзаголовка книги или статьи (или серии статей), вводных фраз, примечаний, ремарок и т.п. (ср. [1, 2]).

При этом исследователями вполне осознаются и методические трудности в реконструкции элементов такой единой многоступенчатой системы. Так, О. Семереньи, начиная серии своих этимологических статей "Iranian Studies",

"Iranica", выделив в качестве одного из насущных направлений иранистики создание "Iranian Lexicon" и формулируя его основную задачу (список словарных гнезд — word-families, — где в качестве заглавного слова выступало бы древнеиранское, или "первичное иранское", а сама словарная статья включала бы обсуждение его дериватов и их исторических продолжений) [3, с. 60], предостерегает от соблазна непосредственного проецирования фактов конкретных языков на древнеиранский и — тем более — на индоевропейский экран [3, с. 60—61].

Сформулированная О.Семереньи необходимость взвешенности и аккуратного исторического подхода к поискам лексического прототипа, как представляется, тем более необходима, что при непрерывности словообразовательного процесса с древнейших индоевропейских времен до наших дней, в разных иранских языках выявляются слова, не только продолжающие соответствующие индоевропейские (и имеющие аналогии в других индоевропейских языках), но и образованные в общеиранский период или позднее, хотя и из исконного индоевропейского материала.

Особое внимание в этой связи приходится уделять таким словам, которые могут быть образованы от древних — вплоть до индоевропейских — корней, при помощи столь же древних средств, однако характеризуются при этом ограниченностью определенным ареалом функционирования (само по себе это еще не свидетельствует об их инновационном характере, однако настораживает) и, главное, — "продвинутостью" семантики.

В качестве соответствующей иллюстрации можно привести названия водяной мельницы в различных иранских языках Средней и Центральной Азии, образованные по моделям **xʷat-āra(na)(ka)-*, букв. "само-мельница" (ср. ягн. *xutanna*), **xʷat-āraka-*, букв. "само-молка" (ср. мундж. нижн. *xīrgə*, верх. *xūrgə*, йидга *xīrgo*, ишк. *xodōri*, сангл. *xidāri*, *xōdāri*, язг. *xʰayérg*, шугн. *xadōrj*, *xidōrj*, руш. *xadūrj*, барт. *xadōrj*, сар. *xadurj*) из исконного материала, продолжающего индоевропейский (ср. общеир. **xʷat-* от местоименной основы **xʷa-*, **xʷai-* "сам, свой" — из и.-е. основы **s(e)uē-* и производной от нее основы на **-t-* [4, с. 882—883], и именные и причастные образования от общеир. корня **ar-* — из индоир. **al-*, продолжающего и.-е. **al-* "молоть, размельчать" [4, с. 28—29; 5, № 1, с. 55—56]), согласно исконной же основной модели — композиту. При этом, однако, поскольку природные условия и способ хозяйствования соответствующей древней эпохи не предполагали существования такой реалии, наличие ее обозначения для того периода весьма сомнительно.

В ряде случаев новые слова, состоящие из индоевропейского или общеиранского материала, оказываются не только относительно поздними, но и построенными к тому же согласно моделям неспонтанного, иногда субстратного происхождения, представляя лексические единицы, которых и не должно было существовать в общеиранском и тем более в индоевропейском состоянии. Это касается даже слов, относимых обычно к "центральной", или "ядерной" лексике, или к "основному словарному фонду". Так, например, местоимения 2 л. мн. числа в большинстве юго-восточных иранских языков, как и в соседних с ними индоарийских языках (включая дардские), построены по моделям типа **ta-/tu-māx* (в иранских языках), **ta-smā* (в индоарийских), вторая часть которых унаследована из парадигмы старых личных местоимений мн. числа (при сохранении ее в парадигме местоимения 1 л. мн.

числа, ср. общер. **ah-mākam* > **a-maxam* > **māx*), а первая часть представляет собой как бы препозитивный детерминатив 2 л., продолжающий этимологически основу древнего местоимения 2 л. ед. числа (ср. ном. **tičam*, ген. **tača*). Обе разновидности (иранская и индийская), сложившиеся в этих языках относительно поздно, параллельно и независимо, представляют собой варианты единой ареальной модели, возникшей, по-видимому, под воздействием общего субстратного построения местоимений мн. числа от основ местоимений ед. числа постпозитивными формантами (подробнее см. [6; 7, с. 209—213], там же материал и предшествовавшая литература)

Нередко картина осложняется еще и заимствованиями лексем из одного иранского языка (особенно из престижного в том или ином регионе — персидского, таджикского, дари, пашто и др.) в другие. Такие слова не всегда легко отличимы от исконных, продолжающих те же древние прототипы, а это затрудняет выявление как фонетического облика самого прототипа и его семантики, так и путей его дальнейшей трансформации по языкам.

Таким образом, критерий "взвешенности" каждой этимологии требует большой предварительной работы в виде анализа как разных аспектов диакронии каждого языка, так и лексических систем различных языков, генетических языковых групп и чисто ареальных объединений. К настоящему времени, как представляется, большая часть такой работы уже проделана.

Во-первых, накоплено поистине гигантское количество конкретных этимологических разработок. Они содержатся в обобщающих иранистических исследованиях, созданных в разные периоды (соответственно с учетом данных тех материалов, которые были известны науке к тому времени, ср., например [8—14]); в работах, посвященных сравнительно-историческому анализу отдельных генетических групп и подгрупп (см. [7; 15—18] и мн. др.); в исследовании истории отдельных иранских языков ([19; 20], разделы в [14; 21—25] и др.); в монографиях и диссертациях, посвященных историческому анализу лексики (или ее разрядов и тематических групп) в различных языках, генетических группах, ареалах [26—29]. Наибольшую ценность представляют, естественно, этимологические словари [30—32], а также такие словари, в которых этимология составляет один из элементов словарной статьи (см. [33], словарные разделы в [34], в работах [35—42] и мн. др.). Наличие к тому же большого количества частных этимологических разработок отдельных слов и их семантических групп — в трудах по разным языкам, начиная с эпохи "классической" иранистики конца XIX в. (см. разделы в [8], работы разных лет Хр. Бартоломе, В. Томашка, Вс.Ф. Миллера, П. Хорна, Х. Хюбшмана, Р. Готье, П. Тедеско, Э. Бенвениста и мн. др.) и до наших дней, — в монографиях, статьях, отдельных этимологических заметках (вплоть до подстрочных примечаний), разбросанных по сборникам и журналам, — делает этот фонд этимологии практически неисчерпаемым.

Во-вторых, успехи индоевропеистики (и отдельных ее отраслей, особенно, в частности, индологии) в плане изучения истории конкретных языков и всей языковой семьи, развития проблематики, формулируемой обычно как "история языка об истории народа" (см. труды В.И. Абасева, особенно [44—47], Э. Бенвениста, особенно [48] и др.; из последних — труд Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванова [49], и др., например [50]), а также многие конкретные этимологические исследования, начиная от этимологических и сравнительных словарей (ср. индоевропейские словари [4, 51], индологиче-

ские словари [5, 52, 53], этимологические словари славянских [54] и других индоевропейских языков [55]), обобщающих трудов по отдельным разрядам лексики [56—58] и кончая множеством отдельных этимологических статей с различным материалом, включая иранский, многократно увеличивают как количество разработанных этимологий, так и их глубину.

Обработка и систематизация всего известного корпуса иранских этимологий (с добавлением данных иранского ономастикона [59—65] и др.) и сведений из "побочных" источников в виде старых иранских заимствований в другие языки ([18, 64; 66—67] и мн. др.), а также в виде новых этимологий, особенно — охватывающих лексику живых бесписьменных иранских языков, описанную относительно недавно и не рассматривавшуюся в традиционных трудах, — во всей полноте — дело будущего. Однако и на настоящем этапе, первичном для "общеиранского масштаба" рассмотрения лексики, — сведение воедино основных этимологических разработок и их общая систематизация представляется необходимой и уже возможной.

В-третьих, последние десятилетия подготовили серьезный собственно ирановедческий и индоевропеистический системный фундамент для построения исторической лексикологии иранской языковой семьи, — в виде исследований структуры языков в сравнительно-историческом, типологическом и ареальном аспектах

В частности, разработка в этих аспектах фонетики и фонологии иранских языков на общем индоевропеистическом фоне обусловила возможность уточнить фонологический и фонетический строй общеиранского состояния (в отношении не только фонемной парадигматики, инвентаря фонем и представляющих их основных звукотипов, но и фонемной синтагматики и просодической системы, см. [17, с. 23—65], что не менее существенно для характеристики слова и для этимологического отождествления словоформ от единого корня), а также характер спонтанных (и неспонтанных) путей трансформации этой прасистемы в системы конкретных иранских языков. Это позволило уточнить, в свою очередь, многие из уже известных этимологий и предложить новые, обнаружить некоторые заимствования, включая относительно ранние, что особенно существенно для выявления заимствований из одного иранского языка в другой.

Анализ в этих же аспектах морфологии и микросинтаксических структур, а также элементов словообразования, способствовал уточнению общеиранских парадигм и выявлению путей их дальнейшей трансформации. Это дало возможность определить взаимоотношения и распределение по парадигмам словоформ, реконструируемых для различных хронологических срезов, включая праязыковой, а также выявить случаи "перебоев" в спонтанном развитии, связанные не только с парадигматическим выравниванием, но и с давлением на словоформу общей грамматической и лексической системы и — в конечном счете — содержательной стороны языка (иногда с привнесением неспонтанных содержательных элементов со стороны субстратной подосновы, о чем будет сказано в другой работе). Все это также способствовало уточнению этимологий ряда слов и, в частности, круга их значений в предшествовавшие эпохи.

Работы этого направления создали системную базу для системного же анализа лексики иранских языков, в частности, в сравнительно-историческом аспекте. Особо хотелось бы подчеркнуть, что значительная часть ира-

новедческих работ этого характера была подготовлена в Секторе иранских языков Института языкознания АН СССР, ныне — Лаборатории иранистики Института языкознания РАН, — под руководством и при непосредственном участии проф. В.С. Расторгуевой и В.И. Абаева и опубликована в виде коллективных монографий [21—25; 68] и серии индивидуальных монографий и статей.

Помимо общей системной базы исторического исследования иранских языков эти работы создали и определенные методические ориентиры для сравнительно-исторического, типологического и ареального анализа иранских языков в целом и, следовательно, их лексики в частности.

В-четвертых, в последние десятилетия усилился интерес к глубоким этимологическим исследованиям различных языков и к самой методике разработки и систематизации этимологий и создания этимологических словарей (см. посвященные этой проблеме публикации в ежегоднике "Этимология", в различных сборниках и журналах [69—73] и др.), отразившийся и в этимологических словарях разных семей и групп (см. [30, 32, 54, 74—76] и др.).

В-пятых, поскольку лексика как языковой уровень особенно тесно связана с содержательной стороной языка и поскольку история слов как языковых знаков подразумевает анализ их динамики не только в формальном, структурном, но и в семантическом плане, работа такого рода на современном этапе развития лингвистики не может быть проделана без учета общих теоретических и методических разработок в области лексикологии и семантики (см. труды В.Г. Гака, Е.С. Кубряковой, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной, Ю.С. Степанова, Ю.Д. Апресяна и др., см. краткие, но очень информативные статьи по этой проблематике в [77]), семантической реконструкции [78] и уже упоминавшихся разработок в плане привязки реконструируемой семантики слова к элементу "картины мира" древних (исследования в русле "история языка — история народа", методика "Wörter und Sachen" и пр.).

Тем самым сравнительно-исторические исследования лексики иранской языковой семьи на современном этапе уже не могут не базироваться на современных же достижениях как собственно ирановедческого и индоевропейского языкознания, так и теоретической лингвистики.

Систематизация и способ представления этимологических разработок могут быть проведены ныне по самым различным параметрам.

При этом анализ лексики праязыкового — общеиранского — периода, как представляется, наиболее реально может быть проведен в работах двух основных типов, различающихся принципами систематизации общеиранских этимонов: 1) по материальному облику слов (с учетом их фонетических, фонологических, морфологических и словообразовательных характеристик и их трансформации); 2) по семантическому содержанию (с учетом круга значений каждого слова, соотношения его с другими словами, группировки слов по семантическому принципу и трансформации в этом плане). Естественно, что эти аспекты тесно взаимосвязаны: без учета материальной генетической общности тех или иных конкретных лексем и даже словоформ и без реконструкции материального облика их прототипов невозможно отождествить их в качестве рефлексов единого лексического элемента праязыковой системы и выявить тем самым, хотя бы ориентировочно, набор сем слова-прототипа и его понятийную трансформацию на путях к семантике его потомков — конкретных слов и форм в конкретных языках, и наоборот. Та-

кая взаимосвязанность и взаимообусловленность задач в сравнительно-историческом изучении лексики порождает целый ряд проблем (различных по характеру, объемности и глубине) и делает сравнительно-историческую лексикологию едва ли не самой сложной в методическом плане из всех сравнительно-исторических дисциплин.

По идее первая задача может решаться в ходе работы над "Этимологическим словарем иранских языков", в котором корпус этимологий организован по принципу материальной генетической общности слов и форм на основе их происхождения из единого в этимологическом плане реконструируемого слова или корня¹. Такая работа ведется в настоящее время в Лаборатории иранистики Института языкознания РАН. Второй задаче может служить исследование лексики (как реальной лексики конкретных языков, так и реконструированной более ранней системы тех же языков или праязыковой) в аспекте ее семантической стороны и систематизация ее по семантическим группам и полям в синхронном состоянии (включая относительно синхронную праязыковую общеиранскую систему), а также наблюдения над трансформацией лексики в этом плане. Опыт такой работы был предпринят автором настоящей статьи. Некоторые проблемы, возникшие в ходе и той, и другой работы, как представляется, было бы полезно обсудить на данном этапе.

Целый ряд вопросов оказался связанным с объективной трудностью (и с принципиальной возможностью или невозможностью) реконструкции слова как языкового знака во всей его полноте и реконструкции лексики как целостной системы, что вполне естественно: чем "выше" языковой уровень, чем теснее он связан с содержательной стороной языка, тем труднее поддаются реконструкции составляющие его единицы и тем сложнее моделирование его системы в целом [80], поскольку и число составляющих его единиц (в данном случае слов), и их взаимоотношения (структурные и содержательные) не только увеличиваются несоизмеримо в количественном плане, по сравнению, например, с фонологическим уровнем, но и многократно усложняются качественно, образуя по существу сложную неформальную открытую систему.

Так, реконструкция слова для общеиранского состояния (как и прошлого состояния какого-либо конкретного языка) предполагает восстановление: 1) его фонетического облика; 2) фонологического состава и просодической характеристики; 3) набора словоформ, объединяемых этим абстрактным "словарным" словом (практически — его морфологической парадигмы или хотя бы ее центральной части); 4) функций этих словоформ (практически — элементов синтаксиса или хотя бы основных синтаксических структур, в которых функционируют данные словоформы); 5) круга значений (или набора сем) — с определением границ этого круга. (В идеале также желательна разработка классификации сем: выявление иерархически значимых, ведущих

¹ Сравнение способов подачи материала, например, в [4] и [51] показывает, что для такой системы, как индоевропейская (то же относится и к общеиранской), в которой вычленим корень слова, удобнее группировать материал в словарные статьи по принципу единства корня, а не единства словоформы или основы, во всяком случае, на этапе первоначального сведения в единый фонд этимологий различных слов, разработанных разными авторами. Такая композиция позволяет объединить в рамках одной статьи разные производные от единого корня и сделать наглядными не только очевидные, но и неочевидные генетические связи слов, представив вместе реконструкции всех трех (по К. Уоткинсу) уровней (Е 1 — *comparanda*, Е 2 — истинную этимологию, Е 3 — глубокую этимологию, включающую не только очевидные, но и неочевидные связи слов [79, с. 291—295]).

сем при словообразовании, и "ведомых", зависимых сем в праязыковом "слове", а также стилистических, жанровых и др. характеристик слова.) На практике вся эта совокупность характеристик слова едва ли достижима, особенно учитывая хронологическую удаленность общеиранского состояния. Если структурная сторона слова как языкового знака (т.е. пункты 1—3) реконструируется относительно однозначно, хотя для пункта (3) и с определенными ограничениями (о методах и трудностях этих реконструкций см. [17, с. 7—20; 7, с. 3—7]), то его семантическая сторона может быть выявлена лишь в некотором приближении — в виде неких содержательных вех, но не сколько-нибудь полного набора сем, притом без явного разграничения центрального и периферийных значений и тем более без определенных границ словоупотребления, иначе говоря, при возможности допущения неких значений (и, следовательно, словоупотребления), но без возможности выявления запретов на словоупотребление (и, следовательно, выявления отсутствия у слова неких значений). О проблемах и приемах семантической реконструкции имеется большая литература ([78; 81, с. 331—349] и мн. др., см. также сжатый, но весьма информативный обзор работ, освещающих проблемы этимологии и реконструкции семантики в [79, с. 289—292]), однако материал иранских языков может служить дополнительной иллюстрацией трудностей, возникающих в этом плане.

Так, например, на основании фонетических соответствий и некоторых семантических ориентиров для общеиранского состояния реконструируется лексема **zraiah-* из и.-е. **gleios-* от глагола **glei-* "течь, струиться", отмечаемого только для индоиранских языков [4, с. 401]. Ее продолжения в древнеиранских языках фиксируют обозначения ею некой обширной водной массы: ав. п. *zrayah-* "море" (включая обозначение мирового океана — *Vourukasha-*), "озеро" (включая названия ряда озер), др.-перс. **drayah-* "море" [33, стб. 1701—1702], при соответствии древнеиндийскому *jrāyas-* "движение, струение, бег [воды]" [52, № 7, 29—30]. В более поздних языках находим, с одной стороны, ср.-перс. *drayāk*, кл. перс. *daryā* "море, океан; река", совр. перс. *dāryā* обычно в значении "море", тадж. *daryo* "река, большая река" (включая использование этого имени в названиях рек), и — как устарелое — "море", а с другой стороны, в горных местностях Памиро-Гиндукушского региона — йидга *žōi* "озеро", рошорв. *žōu* — название озера, язг. *žūy* "озеро; маленький искусственный водоем, пруд", вах. *žūy* "водоем", барт. *žōu* "мокрый, сырой" (для выражения понятия "река" здесь используются этимологически иные термины — от других корней и несколько различающиеся, в зависимости от обозначения главной реки в долине или боковых притоков). Иначе говоря, в языках юго-западной группы (персидском, таджикском) налицо обозначения "большой воды" и/или движущейся воды, а в языках восточной группы — стоячей воды (и затем в бартангском, возможно, через этапы "озеро" → *"болото" → "влажное, сырое место" → "мокрый, сырой").

Тем самым становится очевидным, что реконструкция семантики общеиранского **zraiah-* зависит в известной мере от представления о природных условиях иранской прародины. Скорее всего, это слово обозначало тогда, как и несколько позднее (в древних иранских языках), понятие "большой неподвижной воды", того водного массива, возле которого жило племя, причем не исключено, что уже тогда этой "большой водой" в разных ареалах иранского мира могло быть и море, и озеро, и большая река, отделявшая данный

этнос от остального мира. И уже позднее — при последующих миграциях племен — в одних языках сохранилось понятие большой воды, волнующей-ся или текущей мимо, а в других — понятие большой глади воды, из которого постепенно уходила составная часть общего объема этого понятия, связанная с обширностью этой глади.

Если это так, то можно считать, что основная или "ведущая" сема индоиранского уровня — течения, струения, бега воды — сменилась в общеиранском на другую (возможно, периферийную в более ранний период) — обильную, большую воду, а далее, как видно из приведенных примеров — на разные "ведущие" семы по разным группам языков, при том, что само понятие воды постоянно остается на периферии круга значений данного гнезда слов (поскольку центральным значением это понятие является в другом гнезде, обозначающим именно воду как вещество, а позднее и течение и реку в ряде языков — *ap- : āp-).

В результате такой относительности, "приблизительности" в реконструкции набора сем отдельного слова, неясности их иерархии, а также ориентировочности границ круга значений слова, серьезные трудности возникают и при попытках восстановить для праязыкового состояния соотношение постулируемых лексических единиц. Это касается в частности трудностей в реконструкции явлений синонимии и омонимии.

Трудности в анализе фактов синонимии, особенно в выявлении степени синонимичности слов, объясняются в части случаев субъективным фактором, т.е. тем, что мы далеко не всегда можем реконструировать более или менее древнюю границу значений между словами-"соседями" в семантической группе, и нам сейчас, при взгляде "отсюда" могут представляться практически полными синонимами в прошлом такие слова, которые в действительности характеризовались в ту эпоху лишь частичной синонимией (обладавая некими семантическими или стилистическими и пр. различиями, которые были впоследствии утрачены), либо вообще не являлись синонимами (см. ниже). Возможно, с этим обстоятельством связано отчасти обилие синонимов, фиксируемых в праязыковом материале этимологических словарей (ср. упреки, которые предъявлялись в этом плане, в частности, к словарю Ю. Покорного).

О другом, уже объективном, факторе в появлении лексической синонимии (в том числе и полной) в праязыковой системе, т.е. заимствовании слов из одного диалекта в другой в условиях диалектной вариативности праязыковой лексики уже писалось [82, с. 12].

"Синонимы", выявляемые в общеиранской системе, могут относиться и к тому, и к другому типу, а причины их возникновения не всегда самоочевидны, особенно в тех случаях, когда рефлексy двух (или более) слов-синонимов впоследствии оказываются "разведены" по ареалам. Иногда при такой ситуации невозможно решить, сосуществовали ли эти слова в рамках единой лексической системы, были ли они синонимами (в том числе семантическими, жанровыми, стилевыми и др. лексическими вариантами выражения единых или сходных понятий, являлись ли они архаизмами или инновациями и т.п.), или они были связаны с диалектной стратификацией праязыка и изначально принадлежали разным диалектным лексическим системам. Так, например, обозначение лошади, коня, в разных иранских языках приводят нас к двум разным праформам древнейшего общеиранского состо-

яния: к **ašca-* (ном. м.р. **ašcah*) из и.-е. **ekuo-* (ном. м.р. **ekuos*) [4, с. 301] и к отглагольному **bāraka-*, обозначение собаки — к **šcan-* : *šun-* из и.-е. **kūon-* : *kun-* [4, с. 632—633] и к (возможно, звукосимволическому) **kuta-*, **kuti-*.

В некоторых случаях слова-синонимы явно сосуществовали в единой языковой лексической системе, хотя, по-видимому, не были полными синонимами в наиболее ранний период (однако, возможно, и становились таковыми позднее), т.е. являлись синонимами, обязанными своим возникновением не диалектной, а хронологической стратификации праязыка.

Так, в общеиранском состоянии еще сохранялось индоевропейское (и общеарийское) название ночи: общеир. **nakt-*, *naxt-* из общеар. **nakt-* (ср. др.-инд. *nakt-*, ном. ж.р. *nak*), продолжавшего и.-е. **nekʷ-(t)-*, **nokʷi-* (ж.р.), **nokʷti-* (ж.р.), **nokʷt(e)r-* (ср.р.) [4, с. 762], однако имелось и второе, восходящее к общеарийскому: общеир. **xšap-* (а также **xšapan-* : *xšapar-*, **xšapā-*) из общеар. **kšap-* (ср. др.-инд. *kšap-*, *kšapā-* "ночь" ж.р.), — также обозначавшее "ночь" и продолжавшее в конечном счете и.-е. **kʷsep-* "темный, темнота" [4, с. 649]. В дальнейшем в индоарийских языках второе слово широкого распространения не получило, ограничившись северо-западным регионом дардских языков. В иранских же языках оно распространилось почти повсеместно: ср. ав. п., др.-перс. *xšap-* (ж.р.) "ночь", ав. п. *xšapan-* (ж., ср. р.), ав. п. *xšapar-* (ср.р.), ав. г., п. *xšapā-* "ночь" — всегда в противовес дню [33, стб. 548—549]. В значении "ночь" (в широком смысле) рефлексy этого слова прослеживаются почти во всех иранских языках (ср. перс. *šab*, тадж. *šab*, согд. будд. *ʾgšp-*, ман. (?) *xšp-*, ягн. *x(i)šap*, осет. *æxsæv/æxsævæ* и т.д. Рефлексы же первого слова сохранились лишь в авестийском языке — в составе образования *ura-naxtar-* "сумеречный, близкий к ночи" (о вечерних и утренних сумерках) [33, стб. 391] и в современном ваханском языке — *naʾd* "ночь". Трудно определить, были ли эти два слова — **nax/kt-* и **xšap-* в раннем общеиранском состоянии уже полными синонимами, либо они сохраняли вначале некие оттенки значения, разграничивавшие их, и стали полными синонимами позднее (вследствие чего и произошло вытеснение вторым словом первого), однако, судя по наличию обеих основ в языке Авесты, они не были "разведены" в праязыке ареально даже в относительно поздний период, а судя по семантике их в том же языке Авесты, они оба использовались в позднем общеиранском для обозначения понятия ночи и как времени суток, и как темноты.

В диахронии иранских языков имеются интересные примеры перехода слов, близких по значению, но не синонимичных, в разряд частичных и затем полных синонимов, иногда с последующей поляризацией значений и разрушением синонимии.

Так, для общеиранского состояния уверенно реконструируются (на основании историко-фонетических, фонологических и морфологических правил и по набору "центральных" сем) несколько слов для обозначения особей крупного рогатого скота. Для нас в данном случае существенны два из них:

1) **gau-* : *gāu-* (м. и ж. р.; ном. ед.ч. **gāuš*) "корова, бык" (из и.-е. **gʷou-*, ном. ед.ч. **gʷōu-s* [4, с. 482]), соответствующее др.-инд. *gāv-*, *gau-* (ном. ед.ч. *gauḥ*) "корова, бык" и широко распространенное в вымерших и живых иранских языках: ав. *gav-* : *gāv-* "корова, бык; крупный рогатый скот", др.-перс. *gau-*, ср.-перс., кл. перс. *gāv*, перс. *gāv*, тадж. *gov*, курд. курм. *ga*, согд. будд. *ḡw*

"корова", ягн. *γow* "корова, бык", хор. *γ'w*, *γok* < **gāu(a)-ka*- "корова", скиф. **gau-*, осет. *qūg/γog* "корова" (с суф. -*g* < **k*), хот.-сак. *gāha-* "бык, коро́ва", *gūha-* "бык", *gūhā-* "корова" (с -*h*- на месте зияния в м. исчезающего **-u-*), пашто *γwā* "корова" (из **gauca* + вторичн. суф. жр. **-ā*, см. ниже), мундж. *γōwā*, йидга *γavo* "корова, бык", шугн., бадж., руш., хуф. *žōw*, барт., рош. *žaw*, барв. *žāw*, сар. *žew* "корова" (*ž-* < **γ-* < **g-*), ишк. *γи*, сангл. *uγū(i)*, *ōγūi* "корова", вах. *γyw* "корова", но язг. *γew* (< **gāu-*) "бык" (подборку лексем на **gau-* см. [12, с. 139—140]).

2) **uxšan-* (м.р., по диалектам также **ukšan-*; ном. ед.ч. **uxšā*, **ukšā*) "бык, телец, вол (?)" (из и.-е. **uk^wsen-*, **ukson-* — о различных индоевропейских вариантах, их значениях и этимологии см. ниже), соответствующее др.-инд. *ukṣan-* (ном. ед.ч. *ukṣā*) "молодой бычок, телец" и отразившееся в более узком кругу иранских языков в виде: ав. *uxšan-* "самец крупного рогатого скота; бык, телец", шугн. *xiγ* "бык", руш., хуф. *xoγ* "бык, вол", барт. *xiγ* "бык, вол", рош. *xiγ* "бык", сар. *xeγ* "вол" (все из ном. **uxša* + суф. **-ka*); аналогичное образование (**uk/xša* + *-ka*) не исключено для ягн. *kišok* "бык", мундж. нижн. *kīwō*, верхн. *kīwō* "бык", йидга *qiāγ* "вол", ишк. *kəžuk*, сангл. *kužūk* "бык" — при контаминации здесь рефлексов **uk/xša-ka* с рефлексами производных от вторичной глагольной основы **kaš-* от общеир. **karš-* "тянуть, тащить" → "проводить борозду"²; к прототипу **ukšan-* восходит вторая часть вах. *d(ы)rukš* "бык, вол" (при соотношении первой части с **druca-* "здоровый, крепкий, сильный"). Только в язгулямском языке от этой основы образовано название коровы — *šōān* — из раннеязгулямского вторичного образования жен. рода из рефлекса общеир. **uxšān-* + суф. **-ā*, ср. образование пашто *γwā* с аналогичным суффиксом.

Материал показывает, что эти лексемы не были "разведены" по диалектам праязыка, хотя вторая активнее использовалась в относительно ограниченном ареале восточноиранских диалектов Средней Азии и примыкающих регионов. Отдельные языки сохранили рефлексы обеих лексем в разных значениях. При этом в подавляющем большинстве языков за продолжениями основы **gau-* : *gāu-* закрепилось значение "корова", редко также "бык", т.е. практически обозначения коровы как представителя вида (для обозначения собственно быка иногда используются вторичные аффиксальные образования, композиты, заимствования и пр.). Продолжения основы **uk/xšan-* обычно имеют значения "бык, вол". Однако в язгулямском языке эти лексемы как бы "поменялись" семантикой, причем относительно поздно, поскольку: а) в близкородственных ему языках шугнано-рушанской группы сохраняется "обычное" распределение значений; б) в язгулямских топонимах сохраняется употребление рефлексов основы **uk/xšan-* в значении, которое можно трактовать и как "обычное" — более архаичное "бык, вол", и как общее видовое название коровы и быка³.

Очевидно, что в условиях давней традиции молочного хозяйства Западно-го Памира названия самца и самки крупного рогатого скота не могли просто совпасть (и размежеваться затем иным, противоположным образом): они

² В условиях Памиро-Гиндукушского региона, где пахота, молотьба и пр. традиционно производилась на быках или волах, такая ассоциация вполне естественна — с переосмыслением данного слова как "тягловый" → "пашущий".

³ Если предлагемая этимология верна, то топоним язг. *Šabug* продолжает **uxšā-prtu-* "коровий, бычий брод", ср. англ. *Oxford*, греч. *Βόσπορος* (ср. шугн. *xiγōd* — то же, но с изменением второй части слова по аналогии с шугн. *pōd* "нога").

обычно четко противопоставлены лексически, а при "угрозе" фонетического совпадения их противопоставление "регенерирует" путем создания новых терминов различными словообразовательными средствами (см. ниже) или заимствованиями. Следовательно, в раннеязгулямском или в "малом праязыке", общем для севернопамирских языков (шугнано-рушанской группы, язгулямского и старованджского), рефлексy общеиранских *gau- и *uxšan- различались в семантическом плане не обозначением (или не только обозначением) пола животного, но и другими семами, "перевесившими" затем в язгулямском первоначальные.

Семантика этих слов еще для индоевропейского состояния обсуждалась в литературе неоднократно. Если *g^wou- относят обычно к обозначениям единицы крупного рогатого скота (с соответствующим оформлением их наименований муж. или жен. родом имени), то семантика, дальняя этимология и даже фонологический состав второго термина вызывает споры: ср. возведение его к корню *uk^ws- "увлажнять, брызгать" с реконструкцией *uk^wsen-, *uk^wson- "бык-производитель" или к корню *h₂eg- (или *H₂eg-) "расти" + -s с реконструкцией *ukson-, *Huksen- "подрастающий (не взрослый) или выращиваемый бычок, жертвенный телец" и т.п. (обзор см. [4, с. 1118; 5, № 3, с. 210; 49, Т. II, с. 566; 83]). При любой трактовке конкретного значения ясно, что индоевропейский этимон общеиранского *uk/xšan- служил первоначально не родовым обозначением единицы крупного рогатого скота, как *g^wou- > общеир. *gau-, а названием бычка или быка, предназначенного для каких-то особых целей.

О круге значений и того, и другого слова в общеиранском состоянии можно судить на основании сопоставления более ранней — индоевропейской — семантики с семантикой в конкретных иранских языках, в частности, в наиболее древнем — авестийском, где gau- (м., ж. р.) выявляет значения "бык, телец, корова" (с разными оттенками) [33, стб. 505—509], а uxšan- "самец крупного рогатого скота, телец" и персонифицированного изображения солнечного сияния — "бык сияющего дня" [33, стб. 383], т.е. использовалось для обозначения не только или не столько единицы крупного рогатого скота, сколько для наименования быка или бычка для обособленных функций. По-видимому, сходный круг значений имели эти слова и в общеиранской системе: *gau- : gāu- (муж., жен.) "единица крупного рогатого скота" — *uk/xšan- "телец, бычок на откорме (?) или "(будущий) тягловый бык, вол".

Если это так, то в древних диалектах Средней Азии, включая "прасевернопамирский", можно усмотреть расширение или, во всяком случае, изменение семантики второго слова до обозначения им всякого быка, независимо от хозяйственных или ритуальных функций, и, следовательно, до совпадения центрального круга его значений с кругом значений первого слова в мужском роде, т.е. до образования пары синонимов.

Далее при филиации севернопамирских языков в раннеязгулямском могли совпасть (полностью или частично) и периферийные значения, образовав практически полные синонимы для обозначения быка — в ном. ед.ч. предположительно в виде *ḡāw и *ḡā или *uxā. Поскольку это был период продуктивного образования имен жен. рода от имен или основ муж. и ср. рода (а также первичных имен жен. рода) наращением суффиксов *-ā, *-i, *-ī (ср. пашто ɣwā "корова"), в язгулямском реализовалась возможность построения двух синонимических пар для обозначения самца и самки крупного

рогатого скота. При этом для названий быка сохранились древние основы, а для обозначения коровы были образованы вторичные с суф. *-ā:

- 1) м.р. ном. *ḡāw (< *ḡāu-), основа *ḡāw (< *ḡāu- : ḡāu-)
~ ж.р. *ḡāw-ā (< *ḡāu- : ḡāu- + -ā).
- 2) м.р. ном. *ḡā (< *uk/xṣā), основа *ḡān- (< *uk/xṣān-)
~ ж.р. *ḡān-ā (< *uk/xṣān- + -ā).

В дальнейшем для обозначения быка, вола в язгулямском сохранился рефлекс старого — первого слова в виде *ḡāw > ḡew, а для коровы "выбрано" максимально отличное от него в плане выражения *ḡān-ā > ḡān. При этом данные основы сохраняли какое-то время и "периферийные" значения, на что указывает использование основы *ḡā- или *iḡā- > ḡa- в топонимике (см. примеч. 3), а основы *ḡāw-ā > ḡaw- в образовании ḡawāk "говяжий" (обычно в сочет. ḡawāk-i ḡāḫt "говядина", букв. "говяжье мясо").

В диалектах же, легших в основу языков шугнано-рушанской группы, в названии коровы закрепился рефлекс основы *ḡāu- с -ā- от формы ном. ед.ч. и с вторичным суф. ж.р. *-ā (т.е. *ḡāw-ā), присутствие которого в прошлом подтверждается исторической фонетикой (без этого суффикса отсутствовала бы а-умлаутная перегласовка корня, и в рушанском языке было бы *ḡūw, а не ḡōw). Историческая форма м.р. без суф. *-ā, т.е. *ḡāw в некоторых языках (в частности, в шугн., барт., сар.) должна была совпасть фонетически с формой жен. рода, что, возможно, способствовало вытеснению ее синонимом и дальнейшей поляризации названий. В результате в названии быка здесь возобладала вторая лексема, но с наращением суффикса *-ka (и сокращением гласного, по типу *iḡā & ka- > *ḡaka- > шугн. ḡiḡ, руш., хуф. ḡoḡ и т.д.), употребительного и в других вторичных именах муж. рода, в том числе и при необходимости подчеркнуть пол животного (включая случаи фонетического совпадения древних имен муж. и жен. рода, ср. шугн. māḡ, руш. mēw, барт. māw, сар. mēwl "овца" < общеир. *maiṣ- или вторичное *maiṣā-, но шугн. miḡiḡ, руш., хуф. mawoḡ, барт. mawoḡ "баран" < *maiṣa-ka- [15, с. 52]).

Таким образом, при возникновении в какой-то период между двумя словами отношений полной (или приближающейся к полной) синонимии могут наблюдаться тенденции к ее устранению. Это создает дополнительные трудности в реконструкции системы синонимов (и ее динамики) даже в относительно позднем региональном праязыке для небольшой языковой группы. Тем более велики они при реконструкции общеиранской праязыковой системы, если учитывать ее серьезную диалектную и хронологическую (и, по-видимому, стилистическую) неоднородность.

Определенные трудности возникают в ряде случаев и при лексической атрибуции реконструируемых праязыковых словоформ, сходных материально, но не тождественных семантически. Проблема отнесения их к единому для общеиранского состояния "словарному слову" с развитой полисемией или к разным "словарным словам" — омонимам не всегда может быть решена однозначно. История иранских языков выявляет примеры как "изначальных" для общеиранской системы омонимов, появившихся в результате фонетического совпадения разных индоевропейских слов и словоформ, так и становления омонимов в результате "расщепления" единого доиранского слова с развитой (или еще не затухшей) полисемией. В последнем случае вопрос об омонимии и полисемии не всегда может быть решен однозначно. Проблема возникает иногда с определением относительной хронологии про-

цесса "расщепления" единого индоевропейского слова: его "расщепление" в доиранскую эпоху означает омонимию его продолжений в общеиранском состоянии, а отнесение этого процесса к иранской (даже праязыковой) эпохе — полисемии единого слова. Поскольку данный круг вопросов освещался неоднократно в лингвистической литературе в самых различных аспектах (см. [82, с.10, 14—15; 84] и мн. др.), достаточно ограничиться рассмотрением здесь одного примера, предоставляемого иранским материалом.

Так, можно строить различные предположения о наличии одного или двух слов в общеиранском, представленных в виде **nāu-*, — продолжений (или продолжения) и.-е. **nāu-* (в словаре [4, с. 755—756] реконструирована основа **nāus-* ж.-р., однако ее рефлексy в индоиранских языках свидетельствуют о прототипе **nāu-*, поскольку и.-е. **-s-* продолжилось бы здесь в виде **-š-*, чего не произошло). Для индоевропейского реконструируется значение "судно (выдолбленный или пустой ствол дерева)" [4, с. 755], однако даже в ряде языков Европы отмечаются др.-в.-нем. *niusc*, ср.-в.-нем. *niusch* "корыто, желоб", др.-фриз. *nōst* "корыто", ср.-н.-нем. *nōste* "ясли, корыто для скота; корыто для воды" [4, с. 755], — что указывает на относительно длительное переживание здесь и наиболее архаичного значения слова: "выдолбленный (//пустой) ствол дерева" → "сосуд // изделие из выдолбленного (//пустого) ствола".

В иранских языках древнего периода (как и в древнеиндийском или латинском) засвидетельствованы только значения **nāu-*, связанные с понятием лодки, челна, судна: др.-перс. *nāv-* "лодка, судно", *nāvya-* "судходность"; ав.п. *nāvāza-* "лодочник, моряк", *nāvaya-* "судходный" (ср. др.-инд. *nāv-* "лодка, бот", *nāvājā-* "лодочник, моряк", *nāvya-* "судходный" и т.д.). Однако в более поздних языках находим рефлексy **nāu-* не только с этим кругом значений (см., например, ср.-перс. **nāyāg* [n'ym'k] "глубокий, судходный" [37, с. 58], кл. перс. *nāv* "корабль, судно" [85, с. 854]; совр. перс. *nāv* I "1) военный корабль; 2) корабль, судно" и производные от него: *nāvbār* "штурман", *nāvbāri* "кораблевождение", *nāv(e)gān* "флот" и т.п. [86, с. 624—625]; осет. *nau* "пароход, корабль, судно" и производные [87] и т.д.), но и со значениями, восходящими к более раннему индоевропейскому "изделие из выдолбленного //пустого ствола". Обычно это "желоб", реже — "трубка". Таковы, например, ср.-перс. *nāu* "труба, трубка; флейта; жердь, мера длины (10 футов)" (из **nāu(a)ia-* при возможной контаминации с *nau* "тростник") и производные типа *nāyūzag* [n'ysk'] "мелкий тростник, солома" [37, с. 58]; кл. перс. *nāv* "ручей, канал, проток; водосток"; *nāv*, *nāvān* "желоб, водосток, труба"; *nāvis* "небольшая стрела", *nāva* "корытце для раствора на стройке", *nāu* "камыш, тростник; флейта, горло" (параллельно с *nau* "тростник") и др. [82, с. 854—855; 85]; совр. перс. *nāv* II "1) труба или деревянный желоб (для стока воды); 2) водосток, акведук" (в словаре дается как омоним к *nāv* I "корабль, судно" и т.д.) [86, с. 624] и производные: *nāvān* "деревянный желоб; открытый лоток для слива или сброса (чего-либо)" *nāve* "творило" и др. [86, с. 624—625]; тадж. *novā* (< **nāuaka-*) "желоб", в говоре Бухары *noūša* "продолговатая наковальня дляковки кувшинов" [89], в Исфахе *novša* "желоб" [90] и т.д.; осет. *nik/nokæ* "желоб" (с вторичным суффиксом -k); йидга *пowoγō* (< **nāuaka-*) "желоб для воды", мундж. *пəwəγikə* (с поздним наращением вторичного суф. **-ka* к первичному, перешедшему в -γ-) с тем же значением, пашто *nāwā* "желоб, водосток" (заимств.?); шугн., руш., хуф., барт. *nōw*, сар. *nəw* "желоб, желобок,

лоток", язг. *lew* "желоб для воды (на мельнице)", ягн. *лѳн* "желоб" (заимств.?) и др.

В горных долинах среднеазиатского и примыкающих регионов из значения "желоб" развилось дальнейшее — "узкое ущелье, лощина, ложбина в горах", вначале как переносное в рамках круга под-значений общего значения "желоб" (ситуация, сохранившаяся в язгулямском), затем ведущее (например, в шугнанском) и, наконец, единственное, свойственное слову "ущелье", омонимичному слову "желоб" (например, в ягнобском). В классическом персидском развивается вторичный круг значений *nāvdān* — "шлюз, река, канал" и др. [88].

Сема "полый ствол" получила и другую линию развития, продолжившись в применении к стволу не только дерева, но и других растений, в частности, трубчатых. С этим связано развитие значения "трубка" и контаминация этого слова с обозначениями тростника, камыша: т.е. *nāu* (< **nāu(a)ia-*) ~ *nau* (ср. также упоминавшиеся выше ср.-перс. *nāu* "трубка, флейта" и продолжавшее его кл. перс. *nāu* "камыш, тростник; флейта, трубка; горло" и их производные). Формы, продолжающие основы без суф. **-ia-*, т.е. **nāu-* и **nāuaka-* с наращением позднего суф. *-ak*, характеризуются набором сем, являющихся дальнейшим развитием значений "трубочка" → "камыш, тростник", часто с приобретением значения "трубчатый" или "изделие из тростника". Так кл. перс. *nāvak* переводится обычно как "камышовая стрела", однако отмечаются и значения "трубка, через которую пускается стрела, самострел; камыш или что-н. пустое; канал; жало пчелы" и др. [88]. Слово отмечено и в сочетании *tīri nāvak* "стрела *nāvak*", — очевидно при частичной утрате значения "стрела" в самом слове *nāvak*. Характерен в отношении семантики этого слова оборот: *va tīr-andāzān va nāvak-andāzān va naft-andāzān* "и метатели стрел, и метатели *nāvak*, и метатели "нафта" (горючей жидкости, горящей нефти)" в памятнике XII—XIII в. [91]: здесь речь идет об особых стрелах, причем смысл их употребления может быть не в особом материале (камыш?), а в трубчатой форме. Ср. продолжения этого слова в современных языках: перс. *nāvāk* "1) [небольшая] стрела; 2) (редко) тростник"; *nāvākāndāz* "(уст.) стрелок из лука, лучник"; тадж. *novak* "стрела"; пашто *nāvak* (заимств. из дари) "род стрелы; жало (осы, пчелы)" и т.д.

Характерно, что развитие различных линий значений и их поздняя трансформация по языкам (типа "лодка" → "судно" → "военный корабль"; "желоб" → "лощина в горах"; "трубка" → "вид стрелы" и пр.) зависели от природных условий, хозяйственного и общественного уклада и в конечном счете от способа обработки и использования природных реалий.

Рассмотренные линии развития значений показывают примеры становления омонимических пар в конкретных иранских языках из слов с некогда единым значением, однако оставляют открытым вопрос о семантическом соотношении прототипов в общеиранском состоянии: были ли в ту эпоху **nāu-* "лодка" и **nāu-* "желоб" и пр. "хозяйственные" изделия из полого ствола уже разными словами-омонимами⁴, либо это было еще, как и в индоевро-

⁴ По мнению В. И. Абаева это были два слова с различными прототипами, во всяком случае для осетинского языка **nāu-* "корабль, лодка" и **nāuaka-* "желоб" (из индоир. **nau-* "двигаться") [30, Т. II, с. 192—193], однако другие иранские языки указывают на оба круга значений у продолжений прототипов **nāu-*. Часть языков, включая мунджанский и йидга (возможно, сюда же входит и осетинский), имеет тенденцию к сокращению корневой гласной в суффиксальных формах, особенно при переносе ударения на суффикс (по типу **nāu-aka-* > **nāuāka-*), а

пейском, единое слово с отчетливо выраженной полисемией, однако обозначающее уже не "выдолбленный // полый ствол растения", а "изделие из выдолбленного // полого ствола", и конкретные значения: "большой сосуд из выдолбленного // полого ствола, используемый для плавания в нем" и "желоб, труба // трубка, сосуд для воды и пр. из выдолбленного // полого ствола, используемый в хозяйственных и др. целях", — принадлежали еще этому единому слову (см. также [93]).

Эти немногие примеры еще раз иллюстрируют сложность семантического анализа и единичных слов как отдельных элементов системы праязыковой лексики и — тем более — ее подсистем, даже таких минимальных, как синонимические и омонимические пары. Естественно, что при обращении к большиим участкам системы проблемы возрастают многократно.

Трудности выявления границ значений слов и взаимоотношений слов в системе (отразившиеся и в реконструкции систем синонимов и омонимов) праиранского состояния сказываются и на попытках реконструкции не только праязыковой лексической системы в целом (что достаточно проблематично), но и отдельных семантических полей и групп, а также на их "заполненности". При этом если результаты реконструкции лексики, отражающей конкретные реалии и предметы, могут быть с большей или меньшей степенью вероятности верифицированы данными археологии и смежных исторических наук, то реконструкция более или менее отвлеченных понятий, абстракций, качеств (например, обозначения цветов, оценочные слова и т.п.) во многом опирается на здравый смысл и интуицию исследователя и на общие "сегодняшние" представления о природном, культурно-историческом фоне и менталитете носителей праязыковых диалектов.

В известной мере это положение касается также и обозначений конкретных реалий, поскольку, как уже говорилось, такие слова способны отражать не только сходные, но и различные — с позиций древнего человека — понятия, культурно-исторические концепты, не сводимые им в единый ряд (или единое поле). И сведение их в единый ряд (для синонимов или специально не рассматривавшихся здесь антонимов) или разведение их по разным рядам (для омонимов) с сегодняшних позиций может приводить к определенным натяжкам.

Сходные трудности возникают и при изучении лексики вымершего языка, зафиксированного древними памятниками письменности. Однако в этом случае семантическое и стилистическое соотношение лексем и соотносимость отражаемых ими понятий с одной или различными сферами являются в целом из контекста, хотя и не всегда в полной мере, зачастую — с изрядной долей экстралингвистической коррекции. Ср., например, опыт анализа несинонимического употребления четырех лексем, обозначающих мужчину, и еще большего числа (до семи) обозначений женщины в языке Авесты — при различении автором семантических аспектов: "обозначения" и "значения" [94]; то же относится к обозначению в древних индоевропейских языках различных действий, являющемуся проявлением полисемии, а не омонимии глаголов [81, с. 333—335] и др.

часть (авестийский и согдийский) — к сокращению долгих перед сонорными у и w в определенных позициях (ср. др.-инд. *nāwja-* 'моряк', ср.-перс., парф. *nāwǝz*, но ав. *nawǝza-*, согд. *nawǝz* [92]. Скорее здесь можно говорить о контаминации рефлексов **nāu-* и производных от **nau-* в тех случаях, когда речь идет о желобе, стоке.

В условиях же заведомого отсутствия текста для общеиранской праязыковой системы (за исключением минимума поэтических и магических формульных последовательностей, верифицируемых их повторяемостью в различных древних индоевропейских языках и относимых исследователями к индоевропейскому достоянию [95]) выявление более или менее полной смысловой структуры слова требует особого внимания к общему культурно-историческому фону и к конкретным сферам, в которых слово функционирует. Иначе говоря, здесь требуется выход за пределы собственно лингвистической лексикологии⁵.

В этих условиях в реконструкции общей лексической системы и отдельных семантических полей общеиранского состояния приходится исходить из этимологии слов, из общих представлений о структуре семантических полей и их наборе в языке в целом и из представлений о природном и культурно-историческом фоне той эпохи, к которой условно можно отнести общеиранское состояние. Однако и эти критерии не всегда могут помочь, особенно когда мы имеем дело с такими "тонкими" понятиями, которые с трудом поддаются верификации (например, лексика, связанная с цветообозначением, глагольная лексика различных видов движения и т.п., подробнее об этих семантических группах будет сказано в других публикациях).

Тем не менее определенные вехи в реконструкции общеиранской лексической системы все же выявляются.

В целом наиболее точной семантической реконструкции и наиболее четкой классификации по семантическим группам и полям поддаются такие разряды слов, которые образуют относительно закрытые системы. Наиболее "удобными" в этом плане оказываются числительные (главным образом, первого десятка) и местоимения определенных разрядов (личные, указательные, частично вопросительные, реже — некоторые другие). Образуют относительно жесткие и четко структурированные лексические парадигмы, эти слова не только связаны однозначными или, во всяком случае, достаточно ясными отношениями, но и постоянно регенерируют, не допуская выпадения одного из членов парадигмы, что сохраняет каждую данную лексическую парадигму в целом и составляющие ее элементы в плане содержания. Изменения же в плане выражения, связанные либо с парадигматическим выравниванием (что ведёт к "сбоям" в исторической фонетике, морфологии и к инновациям в словообразовании), либо с заменой "слабеющих" звеньев новыми образованиями (например, замена рефлексов старого местоимения 2 л. мн. ч. инновационным, о котором говорилось выше, или употребление нового слова или оборота для обозначения "девяти" в отдельных языках взамен рефлексов общеиранского числительного **naça-*, см. [7, с. 186—187]), не разрушают парадигмы в целом, хотя могут и видоизменить ее в материальном плане.

Характерно сохранение в общеиранском состоянии трехступенчатой раннеиндоевропейской системы указательных местоимений, коррелирующей с системой личных местоимений и выявляющей соотношенность указания на предмет, ближайший к говорящему, к собеседнику или к 3-му лицу (либо

⁵ Автор пользуется случаем выразить признательность Ю.С. Степанову за замечания и советы по рукописи данной статьи и особенно за тезис о непрямолинейности соотношения собственно лексической системы (проявляющейся, помимо прочего, в системах лексической синонимии и омонимии) и общего культурологического контекста ее функционирования.

удаленный от говорящего и собеседника), т.е. бидентрической системы "Ich-Deixis" — "Du-Deixis" — "Jener-Deixis" [96], продолжившейся в отдельных иранских языках [7, с. 55—57, 222—229; 97—99], но утраченной в большинстве индоевропейских языков.

Вся прочая лексика, реконструируемая для общеиранского состояния, может быть сгруппирована, исходя из наших современных представлений, по неким семантическим разрядам, которые, с поправками на релевантные данные морфологического уровня языка (о взаимодействии лексического уровня с другими будет сказано в другой публикации), могут выявлять определенные семантические группы, представляющие те или иные семантические поля (при разной степени компактности заполнения этих полей), которые будут выглядеть следующим образом.

Имена существительные, которые в раннеиндоевропейскую эпоху еще имели лексическую классификацию по одушевленности / неодушевленности, или активности / инактивности, в диалектах общеиранского состояния, возможно, подразделялись уже по принципу названий личности / неличности, т.е. людей и всего остального. Далее, в названиях личностей относительно четко выделяются некоторые традиционные группы: термины родства и свойства (особенно в плане обозначения вертикальных прямых линий — родителей, детей, внуков, в меньшей степени — дедов), имена по роду занятий (например, "царь", "пастух" и др.). В названиях неличностей — термины, обозначающие одушевленных — животных (домашних и диких), птиц, насекомых и пр., — и неодушевленные предметы (названия частей тела, домашних и диких растений, термины ландшафта, реалий, связанных с кочевым бытом, с домом и пр.), а также абстрактные понятия, родовые или собирательные названия и пр.

В именах прилагательных выделяются обозначения оценочных качеств, величины, цвета и т.п.

Что же касается глагольных лексем, то проблем здесь значительно больше, и решение их во многом связано с вопросами глагольной морфологии, словообразования и синтаксиса (т.е. организации глаголами с той или иной семантикой определенных синтаксических структур). Переход в морфологии от ведущей оппозиции позднеиндоевропейского, общеарийского и раннего общеиранского состояний актив / медиалис (выражавшейся в флексии) на оппозицию переходности / непереходности в древнеиранских языках (и порождение затем соответствующих морфолого-синтаксических структур) свидетельствует о том, что на лексическом уровне в более раннюю, возможно, общеиранскую (или доиранскую) эпоху этот признак был уже релевантным и что глагольная лексика уже членилась на классы по признаку наличия в словах семы непереходности / переходности. В этом плане особую проблему представляет соотношение глагольной морфологии и словообразования, поскольку разные типы (или классы) глагольных презентных основ, рассматриваемые традиционно в качестве составной части глагольной морфологии, имеют непосредственное отношение к семантике и лексической характеристике глагола. Ср. изменение семантики глагола на переходную или каузативную при подъеме огласовки и/или присоединении каузативного суффикса, на непереходную — при присоединении "инхоативного" суффикса или суффикса "пассива" *-ja и т.п. Иными словами, глагольные презентные основы несут не только определенную морфологическую инфор-

мацию, но и указывают на принадлежность глагола к определенному семантическому классу.

Отдельную тему составляет роль наличия или отсутствия в общеиранском состоянии тех или иных слов и отражение затем этого факта в истории конкретных иранских языков. Так, огромную роль в будущей судьбе синтаксиса, а затем и морфологии (и даже отчасти исторической фонологии) сыграло отсутствие в общеиранской системе (и позднее, в древних и отчасти в живых иранских языках) отдельной глагольной лексемы с абстрактным значением "иметь" (что породило конструкции типа "у меня есть сделано // сделанное", преобразовавшиеся впоследствии в "эргативные" или "эргативообразные" конструкции предложения с переходными глаголами в прошедших временах, о которых так много писалось в иранистической и индологической литературе, обзор см. [7, с. 66, 70—72, 103 и сл.]).

Таким образом, при том, что каждый из общеиранских "словесных" элементов, будь то словоформа, слово (с рядом словоформ), основа или корень, — является результатом единичной, "штучной" реконструкции — структурной и содержательной, — их общая совокупность, при всех трудностях, поддается в целом определенному обобщению и осмыслению с точки зрения как основных структурных характеристик разных лексических разрядов, так и набора сем каждой из единиц, соотношения сем некоторых смежных единиц и организации семантических полей и семантических групп в целом.

Это дает возможность реконструировать фрагменты (иногда довольно значительные) основных семантических полей и групп и даже некоторые целые поля и группы (особенно образующие замкнутые системы, как числительные первого десятка и некоторые разряды местоимений). Опыты реконструкции отдельных полей и групп лексики общеиранского состояния, подобранных по общим для них семам, имеются в литературе (см. особенно [26; 100—107]), как и в трудах по другим индоевропейским языкам и по индоевропеистике в целом. Они показывают перспективность и самого направления такого исследования лексики как таковой, и реконструкции на ее основании культурно-исторического контекста существования пра-этноса. Однако обработка в этом аспекте всего массива реконструируемых общеиранских праформ — дело будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bailey H.W. A problem of the Indo-Iranian vocabulary // *Rocznik orientalistyczny*. T. XXI. Warszawa, 1957. P. 59.
2. Turner R.L. Preservation of original Aryan vocabulary in the modern languages // *BSOAS*. 1979. V. 42. Pt. 3.
3. Szemerényi O. Iranian studies. I. // *Zeitschrift für vergl. Sprach.* Bd 76. H. 1/2. 1959.
4. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
5. Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoirischen. Heidelberg, 1986 —
6. Эдельман Д.И. К вопросу о словообразовании местоимений в индоиранских языках // *Индийская и иранская филология: Вопросы лексики*. М., 1971.
7. Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М., 1990.
8. Grundriss der iranischen Philologie. Strassburg, Bd I. Abt. 1—2. 1895—1901.
9. Handbuch der Orientalistik. Leiden-Köln, 1958. Abt. I. Bd 4. Iranistik. Abschn. 1. Linguistik.
10. Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М., 1960.
11. Оранский И.М. Иранские языки. М., 1963.

12. *Оранский И.М.* Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.
13. *Оранский И.М.* Введение в иранскую филологию. 2-е изд. М., 1988.
14. *Compendium Linguarum Iranicarum.* Hrsg. von R.Schmitt. Wiesbaden, 1989.
15. *Соколова В.С.* Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л., 1967.
16. *Соколова В.С.* Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямской языковой группы. Л., 1973.
17. *Эдельман Д.И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986.
18. *Расторгуева В.С.* Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков. Фонология. М., 1990.
19. *Стеблин-Каменский И.М.* Историческая фонетика ваханского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971.
20. *Ефимов В.А.* Язык ормури в синхронном и историческом освещении. М., 1986.
21. *Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки.* М., 1979.
22. *Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки.* М., 1981.
23. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Западная группа.* М., 1982.
24. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Восточная группа.* М., 1987.
25. *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Северо-западная группа.* I. М., 1991.
26. *Стеблин-Каменский И.М.* Очерки по истории лексики памирских языков. Названия культурных растений. М., 1982.
27. *Битарова З.А.* Лексика родства и родственных отношений в осетинском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тб., 1974.
28. *Цховребов В.К.* Скотоводческая терминология в осетинском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тб., 1973.
29. *Мирбобоев А.* Лексика животноводства ваханского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1991.
30. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л., 1958; Т. II. Л., 1973; Т. III. Л., 1979; Т. IV. Л., 1989.
31. *Morgenstierne G.* An etymological vocabulary of Pashto. Oslo, 1927.
32. *Morgenstierne G.* Etymological vocabulary of the Shughni Group. Wiesbaden, 1974.
33. *Bartholomae Chr.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904 (repr. B.; N.Y., 1979).
34. *Morgenstierne G.* Indo-Iranian frontier languages. Oslo. 1929. V. I; 1938. V. II.
35. *Benzing J.* Chwaresmischer Wortindex. Wiesbaden, 1983.
36. *MacKenzie D.N.* The Khwarezmian glossary // BSOAS. 1970. V. 33. Pt. 3; 1971. V. 34. Pt. 1, 3—4; 1972. V. 35. Pt. 1.
37. *MacKenzie D.N.* A concise Pahlavi dictionary. L., N.Y., Toronto, 1971.
38. *MacKenzie D.N.* The Buddhist Sogdian texts of the British Library. Téhéran—Liège, 1976 (Acta Iranica, 10).
39. *Henning W.B.* A fragment of Khwarezmian dictionary (ed. by D.N. MacKenzie). L., 1971.
40. *Samadi M.* Das chwaresmische Verbum. Wiesbaden, 1986.
41. *Nyberg H.S.* A manual of Pahlavi. Pt. II: Glossary. Wiesbaden, 1974.
42. *Bailey H.W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge etc., 1979.
43. *Bielmeier R.* Historische Untersuchung zum Erb- und Lehnwortschatzanteil im ossetischen Grundwortschatz. Frankfurt-am-Main, Bern, Las Vegas, 1977.
44. *Абаев В.И.* История языка и история народа // Вопросы теории и истории языка. М., 1952.
45. *Абаев В.И.* Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
46. *Абаев В.И.* Язык и история // Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968.
47. *Абаев В.И.* О родовых отношениях и терминах родства у осетин // Энгельс и языкознание. М., 1972.
48. *Benveniste E.* Le vocabulaire des institutions indo-européennes. I—II. Paris, 1969.

49. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. I—II. Тб., 1984.
50. Mallory J.P. In search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. L., 1989.
51. Mann S.E. An Indo-European comparative dictionary. Fasc. 1 — 11. Hamburg, 1984—1987.
52. Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1953—1975.
53. Turner R.L. A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages. V. I—XI. L., 1963—1966.
54. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Под ред. Трубачева О.Н. Вып. 1—19. М., 1974—1993.
55. Топоров В.Н. Прусский язык: Словарь. М., 1975—1990.
56. Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
57. Трубачев О.Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.
58. Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках (этимология и опыт групповой реконструкции). М., 1966.
59. Абаев В.И. К этимологии древнеперсидских имен *Kuruš*, *Kambujya*, *Čīpīš* // Иранская филология. Ташкент, 1966.
60. Абаев В.И. Персидский топоним *Xānsār* // Топонимика Востока. М., 1969.
61. Mayrhofer M. Onomastica Persepolitana. Das altiranische Namengut der Persepolis-Täfelchen. Wien, 1973.
62. Mayrhofer M. Zum Namengut des Avesta. Wien 1977.
63. Mayrhofer M. Iranisches Personennamenbuch. Bd I. Die altiranischen Namen. Wien, 1979.
64. Hinz W. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975.
65. Schmitt R. Die Iranier-Namen bei Aischylos (Iranica Graeca Vetustiora. I). Wien, 1978.
66. Абаев В.И. ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΟΝ // Исследования в чест. на акад. Д. Дечев. София, 1958.
67. Абаев В.И. Из истории слов. Древнерусское *кърчий* "кузнец" и топоним *Керчь* // ВЯ. 1959. № 1.
68. Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. I—II. М., 1975.
69. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988.
70. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков. М., 1991.
71. Теория и практика этимологических исследований. М., 1985.
72. Теория и практика этимологических исследований. Материалы к ЭСТЯ / Отв. ред. Левитская Л.С. М., 1988.
73. Bammesberger A. (ed.) Das etymologische Wörterbuch, Fragen der Konzeption und Gestaltung. Regensburg, 1983.
74. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974—1980.
75. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы "Ж", "Ж", "Й" / Отв. ред. Левитская Л.С. М., 1989.
76. Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
77. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
78. Трубачев О.Н. Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988.
79. Watkins C. Etymologies, equations, and comparanda: Types and values, and criteria for judgment // Trends in Linguistics. Studies and monographs 45. Linguistic change and reconstruction methodology. B; N.Y., 1990.
80. Lehmann W.P. The importance of models in historical linguistics // Language Typology 1988. Typological models in reconstruction (Current issues in linguistic theory, 81). Amsterdam, Philadelphia, 1991.
81. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. 331—349.
82. Трубачев О.Н. О семантической теории в этимологическом словаре. Проблема омонимов подлинных и ложных и семантическая типология // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985.

83. Zimmer S. Idg. *ukson- // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1981. Bd 95, H. 1. S. 84—91.
84. Абаев В.И. Об омонимии и полисемии // Лексикографический сборник. Вып. IV. М., 1960.
85. Гаффаров М.А. Персидско-русский словарь. Т. II. 1928 (= М., 1974).
86. Персидско-русский словарь / Под ред. Рубинчика Ю.А. Т. II. М., 1970.
87. Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе, 1962. С. 271.
88. Ягелло И.Д. Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент, 1910. С. 1653.
89. Махмудов М., Бердиев Б. Лугати мухтасари лаҳҷаҳои Бухоро. Душанбе, 1989. С. 166.
90. Распоргуева В.С. Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 3. Таджикско-русский диалектный словарь. М., 1963. С. 145.
91. Нажмутдинова Д.У. Военная лексика сочинения "Адаб әл-һәрб вә-ш-шоджаат" Мубаракшаха (XII—XIII вв.): Дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1991. С. 96.
92. Henning W.B. The disintegration of the Avestic studies // TPhS, 1942 (repr.: Amsterdam, 1968). P.50.
93. Gershevitch I. Outdoor terms in Iranian // A locust's leg. Studies in honour of S.H. Taqizadeh. L., 1962. P. 79.
94. Oettinger N. Avestisches *hāirišt-* 'Frau' syn- und diachron // Indogermanische Forschungen. 1986. Bd 91.
95. Watkins C. The comparison of formulaic sequences // Reconstructing Languages and Cultures (Eds. E.C. Polomé, W. Winter). Trends in Linguistics. Studies and Monographs 58. Ed. W. Winter. Mouton de Gruyter. B.; N.Y., 1992.
96. Brugmann K. Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen (Eine bedeutungsgeschichtliche Untersuchung) // Abhandl. der philol.-hist. Kl. der königlich-sächs. Gesellschaft der Wissenschaften. Bd XXII. Leipzig, 1904. № VI.
97. Беликов В.И. К употреблению указательных местоимений в шугнанском языке // Памирские языки и фольклор. I. Душанбе, 1972.
98. Эдельман Д.И. К истории язгулямских и шугнано-рушанских указательных местоимений // Иранское языкознание: История, этимология, типология (к 75-летию проф. В.И.Абаева). М., 1976.
99. Юсуфбеков Ш.П. Семантика и прагматика дейктических слов в языках шугнано-рушанской группы: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.
100. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. М.;Л., 1949.
101. Benveniste E. Noms d'animaux en indo-européen // BSLP. 1949. T. 45. Fasc. 1.
102. Szemerényi O. Studies in the kinship terminology of the Indo-European languages (with special reference to Indian, Iranian, Greek, and Latin. Téhéran — Liège, 1977 (Acta Iranica 16).
103. Стеблин-Каменский И.М. Флора иранской прародины (Этимологические заметки) // Этимология 1972. М., 1974.
104. Стеблин-Каменский И.М. Земледельческая лексика памирских языков в сравнительно-историческом освещении: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1984.
105. Стеблин-Каменский И.М. Памирская лексика, связанная с веянием зерна и подметанием гумна // Вопросы памирской филологии. 3. Душанбе, 1985.
106. Стеблин-Каменский И.М. Название пахотного орудия в памирских языках // Иранское языкознание. Ежегодник 1981 М., 1985.
107. Стеблин-Каменский И.М. Термины орошения в памирских языках // Иранское языкознание. Ежегодник 1982. М., 1987.